

УДК 94 (470.62/67).084.8|1941/1945|

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ?

А. П. Мякшев

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshev@mail.ru

В статье на примере изучения непростой этнополитической ситуации на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны решается проблема соотношения исторической науки и власти, исторического факта и исторического мифа. Отвергается возможность предать забвению «неудобные» исторические факты ради сиюминутной политической выгоды. Обосновывается положение о необходимости синергетического подхода к анализу любого исторического явления.

Ключевые слова: исторический факт, исторический миф, коллаборационизм, депортация народов, власть.

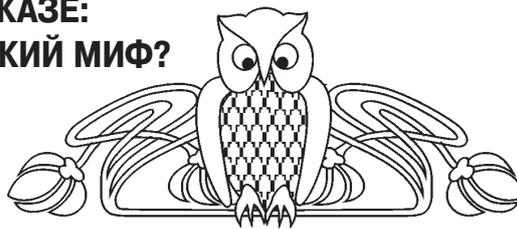
Collaboration in the North Caucasus: Historical Truth or Historical Myth?

A. P. Myakshev

The problem of correlation between historical science and State power, between historical fact and historical myth, is analysed in the article on the investigation example of nonsimple ethno-political situation in Northern Caucasus during the Great Patriotic War. The possibility of consigning to oblivion "annoying" historical facts for the sake of momentary political benefit is rejected. The point of the necessity of the synergetic approach to an analysis of any historical phenomena is proved in the article.

Key words: historical truth, historical myth, collaboration, peoples' deportation, State power.

Всплеск интереса к проблемам коллаборационизма на Северном Кавказе связан с прозвучавшими летом-осенью 2010 г. обвинениями в пропаганде национализма и ксенофобии в адрес двух московских историков – А. И. Вдовина и А. С. Барсенкова. Неприятие либеральной общественности вызвало следующее положение А. И. Вдовина: «Помимо коллаборационистов, по данным НКВД Советского Союза, начиная со второй половины 1941 г. по июль 1944 г., по Союзу Советских Социалистических Республик было выявлено 1 млн 210 тыс. дезертиров и 456 тыс. уклонявшихся от службы в армии. К примеру, 63 процента чеченских мужчин, призванных в армию в начале войны, нарушили присягу и стали дезертирами»¹. Известный российский исследователь истории межнациональных отношений в СССР и современной России А. И. Вдовин в развернувшейся общественной дискуссии предпочел сослаться на данные, приведенные в монографии саратовского ученого В. Н. Данилова: «По данным политуправления Северо-Кавказского военного округа от мобилизации уклонилось 63% жителей Чечено-Ингушетии, подлежащих призыву.

Косвенно эти данные подтверждают и подсчеты, произведенные Н. Ф. Бугаев по архивным документам НКВД: численность лиц, направленных из республики в армию – 17 413 человек, то есть всего немногим более 2% от общего количества населения Чечено-Ингушетии, тогда как по другим российским регионам к концу 1943 г. это, по нашим подсчетам, составляло 10–15%»².

Развернувшаяся «кампания» против профессоров МГУ к научной дискуссии не имела ни малейшего отношения: получившие известность факты в научный оборот были введены давно, аргументы в виде архивных документов и материалов сомнений прежде не вызывали. Однако это не помешало приведенные факты квалифицировать как «клевету на чеченский народ», а исторические источники назвать «стряпней гэбни».

Вряд ли нужно оспаривать тот факт, что конечной целью критики историков было желание в условиях сложной этнополитической ситуации на Северном Кавказе «предать забвению» «неудобные» факты. В условиях отсутствия у молодого российского государства внятной стратегии развития межнациональных отношений подобный «разнос» вполне мог быть расценен как попытка власти учредить новую концепцию «решения национального вопроса», проигнорировав при этом общеизвестные исторические факты и их оценку в исторической науке, опираясь исключительно на исторические мифы. Между тем выводы А. И. Вдовина довольно легко подтверждаются многочисленными документами и материалами.

Вряд ли принципиально различие категорий «уклонившиеся от призыва» и «дезертиры». В условиях военного времени людей, сбежавших с фронта из действующей армии, и людей, всеми правдами и неправдами избегавших мобилизации в воюющую армию, правомерно называть дезертирами, синонимично – предателями, изменниками. И в данном случае неважно, принимали они присягу или еще не успели. Важно другое – установлен исторический факт нежелания части мужского населения одной из советских республик сражаться за свою страну, Родину, в конечном счете, за советскую власть. Собственно, историк выполнил свою задачу в полной мере – разыскал, «добыл» источник, доказал его подлинность, представил содержащиеся в данном документе сведения на общественный суд. Последующая «жизнь» документа и заключенной на его стра-

нища информации (то, что квалифицируют как интерпретацию) представляет собой не что иное как использование источника в утилитарных политических целях. При этом для политиков обнаруженные и «обнародованные» исторические факты ценны в качестве аргументов для достижения сиюминутного политического успеха. Для историка же каждый новый документ-источник – это возможность приблизиться к более глубокому пониманию «ушедшего» прошлого, возможность рационального и логичного объяснения-анализа произошедшего. Подавляющее большинство историков-профессионалов с сожалением вынуждено согласиться с непреложным фактом – историческая истина относительна и частична в своей полноте. Поэтому проблема коллаборационизма на Северном Кавказе – в значительной степени проблема доверия и критики исторических источников.

Из отчета Грозненского обкома за 1946 г.: «К началу 1946 г. на территории области в горной ее части продолжало скрываться **значительное** (выделено мною – А. М.) количество чеченцев, уклонившихся в 1944 году от переселения в Среднюю Азию»³. Этот вывод нового руководства территории бывшей национальной республики свидетельствует лишь об отсутствии у него точных сведений о количестве «уклонившихся» и убежденности в том, что таковых много. Безусловно, укrywшиеся в горах и лесах чеченские мужчины не бездействовали: «Там же скрывалось 8 чеченских вооруженных бандитских групп, которые проводили нападения на колхозный скот и квартиры колхозников, совершая ограбления, и иногда убийства»⁴. Власть не просто констатировала факт «значительного» наличия уклонившихся от депортации и сообщала в Центр о масштабах «сопротивления в горах», но и демонстрировала свои усилия по наведению порядка на подконтрольных ей территориях: «За истекший 1946 год местными органами МВД проведена значительная работа по очищению области от бандитских элементов и уклонившихся от переселения чеченцев. Было арестовано, легализовано и ликвидировано в перестрелке бандитов 49 человек, выведено из гор и отправлено в Среднюю Азию уклонившихся от спецпереселения в 1944 г. 504 человека». А вот в следующее заключение верится с трудом: «На 1.1.47 года уклонившихся от спецпереселения чеченцев и ингушей не имеется. Осталось неликвидированными 2 бандитские группы общей численностью 13 человек. Однако органы МВД ведут активную работу по их ликвидации»⁵. Стремись показать Москве свои успехи в борьбе с «сопротивлением в горах», местная власть преуменьшала как масштабы антисоветского движения, так и степень угрозы, исходившей от него. Понимая, что «борьбе» «пока конца не видно», обком «доводил» до руководства страны сведения о «значительном» количестве скрывающихся и тут же «уточнял»: 2 группы численностью 13 человек. Составители

отчета хорошо знали правила и главный принцип «аппаратной отчетности»: свои усилия преувеличить, масштаб угрозы преуменьшить и т. д.

Сотрудничество с врагом, конечно же, было не только на территории Чечено-Ингушской АССР, не только чеченцы и ингуши были депортированы со своей исторической родины в связи со вскрывшимися фактами сотрудничества с фашистами (А. Голубовский, взявший на себя смелость рассуждать о непрофессионализме историков А. И. Вдовина и А. С. Барсенкова, в числе депортированных народов называет почему-то черкесов⁶).

Составители записки Г. М. Маленкову «О положении в Кабардинской АССР» факты, по их признанию, почерпнули из сообщений кабардинского руководителя т. Мазина и других материалов, поступивших в ЦК ВКП(б) из республики. Вывод четкий: «... среди кабардинского населения распространены факты дезертирства из Красной Армии». Приводятся следующие доказательства: «В ряды Красной Армии призвано около 25 000 кабардинцев, из них дезертировало и при отступлении осталось на оккупированной территории Кабарды 5 506 человек, направлены в спецлагеря НКВД 4 939 человек, арестовано за дезертирство 567 человек»⁷. Существуют и сведения о недостойном поведении части кабардинцев на фронте: «Созданная из кабардинцев и балкарцев 115 национальная кавалерийская дивизия при первом столкновении с врагом показала неустойчивость – до 700 человек покинуло фронт, в большинстве своем с оружием ушли в банды, часть перешла на сторону врага»⁸.

На оккупированной территории часть кабардинцев активно пособничала врагу: «Немцам удалось, опираясь на буржуазно-националистические элементы, создать из числа кабардинцев один эскадрон национального легиона общей численностью до 200 человек, а также карательный отряд по борьбе с партизанами. Такие карательные отряды были созданы в Нагорном районе из 28 человек, в Кубанском районе из 31 человека, в Зольском районе из 32 и других районах»⁹. Правда, не совсем понятно, с какими партизанами собирались бороться эти «каратели»: «Партизанские отряды, сформированные в республике, по существу не действовали в период немецкой оккупации. Больше 50% партизан перешли линию фронта и добровольно сдались немцам, где и жили со своими семьями. Партизанский отряд Нальчикского района полностью перешел к немцам. Значительная часть людей из партизанских отрядов с оружием в руках ушла в банды»¹⁰. Судя по приведенным выше фактам, ситуация на территории бывшей советской республики была стабильной: «В Кабарде немцы чувствовали себя сравнительно спокойно. За все время оккупации не зарегистрировано ни одного случая убийства немцев местным населением или саботажа немецких мероприятий»¹¹.

Если следовать логике советских идеологических служб, «местное население» – «забитое», «темное», «эксплуатируемое», одним словом, один из «заклоченных» российской «тюрьмы народов», – могло быть обижено на советскую власть. Что же коммунисты? Как воевали с врагом те, кто до прихода фашистов в Кабарде власть «осуществлял»? И вновь документы свидетельствуют недвусмысленно и «без иронии»: «На оккупированной немцами территории оставалось 2 723 коммуниста, или 72% парторганизации и некоторая часть руководящих работников. Не эвакуировались три первых секретаря райкома партии. Значительная часть оставшихся на оккупированной территории коммунистов регистрировались в органах гестапо и немецкой полиции. Несколько коммунистов оказались в числе немецких старост и полицейских. Как показала проверка, некоторые коммунисты были завербованы немцами ... Факты предательства коммунистов не единичны. Из 2 733 коммунистов, оставшихся на оккупированной территории, на 1 июня 1944 года Кабардинский обком партии проверил 1 691 человек, из них исключено из партии 1 299 человек или 75%. Из этого числа исключено за регистрацию в органах гестапо 109 человек, за предательство и измену Родине – 42 человека, за бандитизм – 95, за связь с полицией – 50, за работу у немцев – 308 и т. д.»¹².

В конечном счете отсутствие сопротивления на оккупированной территории Кабарды можно объяснить «свирепостью и жестокостью нового порядка». В таком случае следует признать, что страх периода оккупации был столь силен, что и после ухода немцев их боялись больше, чем «советского тоталитарного» режима. «После освобождения территории Кабардинской республики от немецких оккупантов многие немецкие ставленники и лица, замешанные в связи с немецкими оккупантами из числа кабардинского населения, стали организовывать банды. Для этой цели немцы, учитывая сочувственное отношение к ним значительной части кабардинского населения, сбрасывали диверсантов. Всего за это время было сброшено на территорию Кабардинской АССР 92 парашютиста, из них 86 – в 1944 году. Кабардинцев среди этих немецких парашютистов-диверсантов – 68 человек ... Из числа заброшенных парашютистов ввиду поддержки их со стороны местного кабардинского населения 6 человек до сих пор еще не найдено»¹³. К тому же в Кабарде «было организовано 30 бандитских и дезертирских групп из числа кабардинского населения в составе 507 человек»¹⁴.

Представляется, что все эти факты свидетельствуют о негативном отношении значительной части кабардинского этноса к советской власти и Советскому государству в наиболее драматический период его существования. Можно предположить, что подобное поведение вызвано отнюдь не фактором войны и боевых действий,

складывающихся в 1941–1942 гг. для Советского Союза крайне неудачно. Во всяком случае еще «до прихода немецких войск население отдельных сел послало своих представителей для связи с немцами, получения указаний от них по организации местного самоуправления», а в «некоторых населенных пунктах (Куркужин – Кубинского района, Шардаково – Зольского района, Каменомостское и Сармаково Нагорного района и др.) советская власть фактически была ликвидирована еще до прихода немцев»¹⁵. Следует отметить, что речь идет о народе, который избежал участи депортации. Да и власть стремилась «наказать» «особо провинившихся». Стоит ли сомневаться после этого, сотрудничали или нет? Историческая наука как раз и призвана устранять подобные сомнения, не забывая при этом, что любое историческое явление неоднородно и крайне противоречиво.

Необходим объективный и разносторонний подход к оценке положения депортированного населения. Очевидно, что положение насильно переселенных в местах ссылки было крайне тяжелым. Документы свидетельствуют, что 211 чеченских семей в Казахстане «живут в курятниках, банях, скотных дворах, а многие находятся под открытым небом». Насильно переселенных чеченцев не принимали в колхозы, «продукты питания плохо выдаются»¹⁶. Отношение местного населения было преимущественно враждебным: «В некоторых колхозах Кучалинского района Талды-Курганской области на домах, где проживают чеченцы, делаются оскорбительные надписи. Есть случаи избиения и самосуда. Председатель колхоза им. Молотова Набоков заявил: “Чеченцы – это враги наши, так пусть они подохнут все до единого, туда им и дорога, а тут заставляют нас о них заботиться”»¹⁷. В Узбекской ССР положение чеченцев было не лучше: «Всего в Узбекистане за три месяца (до 1 октября 1944 г.) из 70 135 трудоспособных спецпереселенцев 10 810 человек не работают по болезни и умерло от разных болезней 2 680 человек»¹⁸. Еще одно свидетельство: «В первые годы проживания чеченцев и ингушей в Казахстане и Киргизии наблюдалась высокая смертность и низкая рождаемость. С 1944 по 1947 г. родилось 15,7 тысяч чеченцев, а умерло 93,5 тысяч чеченцев»¹⁹.

А вот оценка положения чеченцев и спецпоселенцев других национальностей к концу 1940-х гг.: «Начиная с 1948 г. рождаемость чеченцев стала превышать смертность. Так, в 1953 г. родилось 16,6 тысяч человек, умерло 6 тысяч человек ... живут не хуже, чем на Северном Кавказе ... Из 89,8 тысяч семей 73,3 построили себе дома»²⁰. А балкарцы «живут не хуже, а некоторые лучше», «из 6 148 балкарских семей в сельской местности – 4 900 построили себе дома»²¹. По заверениям самих карачаевцев, «многие из них материально живут лучше, чем до переселения. Около 12 тысяч семей имеют свои дома»²². Разве историк вправе исключать подобные факты из

своего исследования в угоду изменившейся политической конъюнктуре?

А может ли историк давать такую оценку целому народу: «Чеченцы и ингуши, находясь во вражде с русским народом и являясь носителем межнациональной вражды, объективно помогли контрреволюции и служили помехой дружбе народов на Северном Кавказе»²³? Крайне неисторическое суждение, подобное противоположному мнению, широко распространенному среди чеченцев и ингушей, находившихся на режиме спецпоселения: «Известно, что чечено-ингушский народ в годы революции стоял крепко как гранит за установление Советской власти на Северном Кавказе, тогда как осетины, грузины и терские казаки были сторонниками и поддерживали интервентов-деникинцев» (Цитата из письма У. У. Ажигова из Южно-Казахстанской области 28 июня 1956 г.)²⁴. Обе позиции эмоциональны, к научной экспертизе не имеют никакого отношения, зато как нельзя лучше демонстрируют мироощущение двух полярных политических сил. Показательно, что сегодняшние «критики» учебника Вдовина–Барсенкова мыслят и действуют в подобной системе координат. Ясно одно – к исторической науке и логике ее развития «обвинение» московских профессоров в ксенофобии никакого отношения не имеет.

Историческая реальность многомерна и противоречива. Главная задача историка – вскрыть эту многомерность и противоречивость. Требование «Не утай!» должно стать ориентиром в деятельности историка-профессионала. Рассказывая о дезертирах и предателях, он обязан видеть и другую сторону медали. В специальной литературе давно существует утверждение о том, что две трети из 18,5 тысячи призванных в действующую армию из Чечено-Ингушской АССР были добровольцами, что среди частей, прославившихся своей стойкостью и мужеством при защите Сталинграда, был 255-й отдельный чечено-ингушский полк. Правда о чеченцах будет не полной, если историк «забудет» о подвигах пулеметчика Ханпаши Нурадилова, снайпера Абухажи Идрисова, кавалериста Мовлида Висайтова и других чеченцев-героев. Нет ничего вредного и в историческом мифе о старшем лейтенанте-чеченце Бурханове, которого некоторые издания называют последним защитником Брестской крепости, и в красивой легенде о сотне боевых офицеров-чеченцев, простоявших после депортации и приказа об увольнении всех чеченцев с фронта на Красной площади целый день и, благодаря вмешательству К. К. Рокоссовского, вновь отправленных воевать с врагом.

Можно согласиться с известным историком-политиком, теперь министром культуры В. Р. Мединским, что «позитивная мифология определяет нравственные императивы народа», поскольку «мотивирует его на свершение дел

мощных, добрых, достойных нашей великой истории и великих предков». Однако необходимо протестовать против другой сентенции историка-министра: «Факты сами по себе значат не очень много. Скажу еще грубее – в деле исторической мифологии они вообще ничего не значат. Факты существуют только в рамках концепции. Все начинается не с фактов, а с интерпретации»²⁵. Вот, собственно и ответ на вопрос, чем отличается история от политики? Историк анализирует факты вне зависимости от того, «негативные» они или «позитивные», политик же «оперирует» фактами и мифами для достижения политических целей, зачастую далеких как от исторической реальности, так и от общечеловеческих ценностей, выработанных в результате познания многовекового исторического опыта.

Примечания

- ¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. М., 2009. С. 12.
- ² Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне : Феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. С. 252.
- ³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 732. Л. 49.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Новое «дело историков». Русский взгляд на историю. М., 2010. С. 110.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 614. Л. 14.
- ⁸ Там же. Л. 16.
- ⁹ Там же. Л. 17.
- ¹⁰ Там же. Л. 18.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 19, 20.
- ¹³ Там же. Л. 13.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 16.
- ¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 635. Л. 262.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119.
- ²⁰ Там же. Л. 120, 121.
- ²¹ Там же. Л. 114.
- ²² Там же. Л. 105.
- ²³ Киреев Е. П. Рабочий класс и большевистская организация Грозненского нефтепромышленного района в революции 1905–1907 гг. Грозный, 1950. С. 6; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 106. Д. 528. Л. 5.
- ²⁴ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 75. Д. 360. Л. 8.
- ²⁵ Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2012. С. 657–658.